

INSPIRIA

ПЁ ЧАНВОН

СКОПЦЫ КРОВЬ СЕУЛА

카스트라토

INSPIRIA

Ток. Иямису-триллер о профайлерах и маньяках

Пё Чанвон

Скопцы. Кровь Сеула

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44

Чанвон П.

Скопцы. Кровь Сеула / П. Чанвон — «Эксмо», 2024 — (Ток.
Иямису-триллер о профайлерах и маньяках)

ISBN 978-5-04-251594-1

Это дерзкое и невероятно жестокое преступление стало абсолютным шоком для страны. Тем более все произошло в удивительный вечер в очень многолюдном месте. Фестиваль фонарей, рождественская ярмарка, трогательное выступление известного оперного певца в Культурном центре имени короля Седжона... Именно посетители этого концерта по выходе из зала обнаружили нечто ужасное: синий футляр для Библии, а в нем на сухом льду – отрезанную часть мужского детородного органа... Пока полиция безуспешно пыталась идентифицировать жертву и найти среди следов на месте преступления хоть малейшее указание на преступника, было совершено аналогичное преступление: на этот раз отсеченные части нашли в торговом центре в пластиковом стакане для кофе. К делу подключилась Группа анализа аномальных преступлений, состоящая из лучших специалистов в разных областях криминалистики. А еще над ним работает знаменитый профайлер Ли Мэк. Все они выстраивают сложные и тонкие схемы анализа, пытаются найти зацепки. Им еще предстоит узнать, что эти изуверские акты – которые вскоре продолжатся – совершаются не просто так: за ними тоже стоит сложная и тонкая схема, гораздо более хитроумная, чем можно себе представить...

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-251594-1

© Чанвон П., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Дело 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Чанвон Пё Скопцы Кровь Сеула

by

CASTRATO by Changwon Pyo

Copyright © 2024 by Changwon Pyo

Russian Translation Copyright © 2026 «Publishing House «Eksmo»

ALL RIGHTS RESERVED

This translated edition was published by arrangement

with NEXUS Co., Ltd. through Shinwon Agency Co., Ltd

© Лукьянова Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Дело 1

Культурный центр короля Седжона

15 декабря 2023 года, пятница

Площадь, раскинувшаяся между воротами Кванхвамун и мэрией Сеула, была заполнена людьми, несмотря на поздний час. Жители города пришли поглазеть на фестиваль фонарей, приуроченный к концу года, да пошататься по рождественской ярмарке. Не обошлось и без очередной демонстрации – с другой стороны площади то и дело раздавались агитационные лозунги. Одним словом, это был шумный и суетный конец года. В то же самое время совсем неподалеку, в зале Культурного центра имени короля Седжона, чарующий голос контратенора пленял сердца зрителей.

Это было особое новогоднее выступление контратенора Ли Гёндю, известного как «единственный кастрат Кореи». В финальной части оперного концерта, когда певец уже второй раз выступал на бис, прозвучала ария «Позволь мне оплакать» из оперы Генделя «Ринальдо». Настолько сильно было впечатление, произведенное исполнением контратенора, что многие зрители уж и забыли вытирать слезы, полностью погрузившись в музыку. Под стоячие овации концерт завершился. После нескольких поклонов Ли Гёндю наконец покинул сцену, и в зале вновь зажегся свет, открылись двери.

Когда зрители, оживленно обсуждая впечатления от выступления, направлялись к выходу, некоторые из них вдруг остановились, переглядываясь. Им будто бы послышался пронзительный высокий звук, но они не были уверены до конца, слышали ли они это на самом деле или то было лишь отзвуком концерта, звучавшим в их головах. Однако сомнение тотчас было развеяно – по оперной зале разнесся душераздирающий женский крик. Стоило закричать одной, как ее вопли подхватили другие, будто охваченные паникой. От возвышенного и восторженного настроения, оставшегося после концерта, моментально не осталось и следа – их сменили растерянность, тревога и страх.

Крики доносились из женской уборной. Кто-то выбегал оттуда с побелевшими от ужаса лицами, крича и прикрывая лица руками. Кто-то, оцепенев от ужаса и не в силах двигаться, лишь беспомощно вопил. Все взгляды были прикованы к маленькому синему кейсу, лежавшему на полу. Из него вытекала жидкость, напоминающая кровь. Соприкасаясь с сухим льдом в кейсе, она шипела и превращалась в пену, выделяя клубы пара. Сквозь пар виднелся округлый темно-красный предмет, напоминавший перезрелый персик. Предмет оказался мужским половым органом – яичками. Морщинистая кожа, обволакивающая две округлые формы, будучи отделенной от тела, производила чудовищное впечатление.

Охранники и сотрудники театра поспешили вывести зрителей из здания. Вскоре прибыли полицейские в форме и с рациями. При их содействии оставшихся внутри женщин вывели наружу и усадили на стулья или прямо на пол. Вход в уборную был оцеплен желтой оградительной лентой. Под руководством начальника группы полицейские начали опрашивать свидетелей. Установив в общих деталях суть произошедшего, они принялись что-то срочно докладывать по рации.

На крики к зданию Культурного центра стеклась толпа зевак. Парочки, семьи, женщины после встреч выпускниц и собраний, а также группа пожилых мужчин в военной форме, похожих на отставников, – все с тревогой перешептывались, пытаясь понять, что произошло. У Культурного центра, где и так было довольнолюдно под конец года, теперь и вовсе стало

яблоку негде упасть. Пока полиция с трудом сдерживала толпу, к месту происшествия прибыла толпа журналистов.

– Как же они все узнали? Прямо как стервятники – слетаются на запах падали.

– Ну и дела... В соцсетях уже начался переполох. «В женской уборной Культурного центра имени короля Седжона – отрезанные мужские яички, ужас!» Вот, смотрите.

Один из журналистов, чуть ли не тыча телефоном в лицо инспектору, тут же заявил:

– Все равно фото уже выложили, так что дайте и нам сделать снимки места происшествия!

Чуя запах сенсации, журналисты, которым запрещали фотографировать, продолжали возмущаться.

– Нельзя, ни в коем случае! Вы понимаете, что тогда произойдет? Да, свидетели успели сделать фото до нашего приезда, тут уже ничего не поделаешь. Но до приезда криминалистов нам нужно сохранить место происшествия в том же виде. Стоит одной волосинке там оказаться – и всё, конец! Вы же понимаете. Да и эти снимки в интернете – их же выложили обычные люди, но вы разве смогли бы такое опубликовать? И какой тогда вам смысл это всё снимать? Вон, смотрите, на другой стороне очередной митинг – об этом лучше репортаж сделайте!

Пока часть журналистов спорила с полицией, другие ухитрились проскользнуть к охранникам и свидетелям, чтобы взять интервью.

Тем временем прибыли следователи из отдела по особо тяжким преступлениям, оценили ситуацию и опросили свидетелей. Вскоре вслед за ними на место прибыли и криминалисты с оборудованием. Они сразу же попросили полицейских отвести людей подальше от уборной и оцепили территорию желтой лентой с надписью «место преступления – вход воспрещен, идет следствие».

Криминалисты установили в этой зоне ширму и переносной шатер, разложили оборудование и надели защитные костюмы, шлемы, перчатки и бахилы. Операторы тщательно сфотографировали все место происшествия и его окрестности, не упуская ни единой детали. Руководитель команды и еще один криминалист фиксировали личные данные свидетелей, охранников и администраторов, затем с их согласия брали образцы: отпечатки пальцев и подошв, мазки из ротовой полости и образцы ткани одежды.

Детективы в это время поднялись в диспетчерскую Культурного центра, проверили записи камер видеонаблюдения, дали распоряжение не удалять их, пока не будет получен ордер на изъятие, и на всякий случай перенесли записи, сделанные в течение последних суток, на внешний хранилище.

Когда все приготовления завершились, мужчина с резкими чертами лица, судя по всему, руководитель команды следователей отдела по особо тяжким преступлениям, начал серьезно обсуждать с руководителем криминалистов ход обследования места происшествия. Получив краткие разъяснения, криминалист кивнул.

– Приятно, когда профайлер сам приходит на место и лично указывает, на что нужно обратить внимание. Нам так гораздо проще работать.

– Все это пока не точно, поэтому не слишком полагайтесь на эти спешные выводы. Ну, я думаю, вы и сами разберетесь, на что обратить внимание.

– Конечно, детектив Мэк.

– Удачи, Чин Кёнвон.

Криминалисты тщательно обследовали указанные профайлером участки, начиная с зоны возле уборной и постепенно продвигаясь внутрь. Они фотографировали и снимали видео, затем по указанию руководителя последовательно применили специальные источники света: белый, синий, бирюзовый, инфракрасный и ультрафиолетовый. Если предмет отличался по цвету от окружения или светился, его измеряли и фотографировали. После этого объект с

помощью пинцета помещали в пакет для вещественных доказательств или снимали с него отпечатки.

Закончив осмотр и сбор доказательств снаружи места преступления, криминалисты натянули черные занавески на все окна и двери уборной, чтоб в ней не осталось ни одного источника света. Единственный луч тщательно обследовал внутреннее пространство, выявляя все точки, на которые реагировали датчики или специальные вещества. Криминалисты устанавливали в этих местах маркеры с номерами или наклеивали ленты и фотографировали каждый участок. В крошечной тьме вспышки камер, то и дело с хлопками раздаваясь в темноте, сверкали как фейерверки.

Руководитель группы криминалистов несколько раз проверял, не пропущен ли какой-либо участок, после чего распылил реагент для выявления скрытых следов крови. Пространство вокруг ячеек засияло голубым флуоресцентным светом. Наконец, после того как все было сфотографировано и образцы крови собраны, включили свет. На полу уборной были хаотично расставлены желтые маркеры, на стенах, стеклах, дверях и оконных рамах были наклеены ленты с номерами. Камеры протягивали свои объективы между маркерами, словно змеи, пробирающиеся в кроличью нору.

После завершения съемки сняли отпечатки пальцев и следов обуви, собрали волосы, грунт, пыль, тканевые волокна и другие следы, помещая их в отдельные контейнеры для доказательств. На каждом контейнере были указаны имя и должность криминалиста, а также дата и время сбора. Синий кейс, стоявший посреди уборной, уже был отправлен в лабораторию Сеульского полицейского управления для проверки отпечатков пальцев и ДНК, а яички поместили в холодильный контейнер и доставили в Национальный научно-криминалистический центр.

Тем временем журналисты, столпившиеся за желтой оградительной лентой, пытались заснять работу криминалистов. Они изо всех сил старались выудить хоть что-то у руководителя группы расследования – начальника детективного отдела. Однако тот был занят: он давал брифинг прибывшему позже начальнику следственного отдела и одновременно разговаривал с кем-то по телефону. Журналистам оставалось только пытаться разобрать его слова по движениям губ. Набросать черновик статьи и уже перед самым дедлайном добиться какого-то четкого заявления от руководителя – таким был их план.

Имя руководителя 5-й следственной группы отдела по особо тяжким преступлениям полицейского управления города Инван – Ли Мэка – было на слуху у детективов, прошедших службу в Инване. Он поступил в полицейский спецназ через отдельный набор для отслуживших в войсках особого назначения и, пройдя службу в спецназе, продолжил работать детективом в уголовном отделе. В отличие от других бывших спецназовцев, которые стремились попасть в охранные подразделения, где их опыт был незаменим, Ли Мэк добровольно выбрал работу в уголовном отделе, хотя ему и пришлось переучиваться, что замедлило его продвижение по службе. Проще говоря, он, в отличие от многих, выбрал нелегкий путь.

Ли Мэк избегал и самого быстрого способа оказаться на виду у начальства и получить повышение, а именно медийности. Несколько недавних серийных убийств и дело об убийстве женщины-врача, которое чуть ли не закрыли из-за отсутствия улик, были раскрыты благодаря его вдумчивому анализу и нестандартному подходу к оценке вещдоков. Хотя об этом знали все специалисты по расследованиям и причастные журналисты, сам Ли Мэк не любил давать интервью и вообще избегал упоминаний своего имени в прессе. Поэтому после раскрытия дела интервью обычно давали другие детективы или кто-то из руководства, и общественность даже не догадывалась, что за этими делами стоит Ли Мэк. Некоторые журналисты настойчиво пытались взять у него интервью, но никому это так и не удалось.

Этот раз не стал исключением. После того как руководитель группы криминалистов указал основные места, на которые следовало обратить особое внимание, Ли Мэк в одиночку

приступил к анализу места происшествия. Доложив о ситуации вышестоящим сотрудникам и отчитавшись перед начальником следственного отдела, он, оставив за спиной кричащих журналистов, выскочил через задний вход и растворился в толпе. От журналистов сразу посыпались недовольные возгласы и ругательства.

– Вот гад, что он о себе возомнил!

– Неужели так сложно хоть пару слов сказать?

Недовольные журналисты снова направились во временный пресс-центр в лобби.

– Э-э... э... господа журналисты, я – начальник следственного отдела полицейского управления Инван. Понимаю, что у вас много вопросов, но прошу не забывать о том, что нам стало известно о данном происшествии совсем недавно и расследование только-только началось. Я постараюсь ответить на ваши вопросы, основываясь на том, что мне известно. Но на данном этапе расследования о многом мы еще не знаем. Это очень деликатное дело, и... э... секунду, что там у меня записано... а, и есть моменты, которые в силу тайны следствия я сообщить не могу, прошу меня понять.

– В полиции рассматривают это дело как убийство?

– Ну, это станет ясно только после заключения экспертизы Национального научно-криминалистического центра...

– Личность жертвы установлена?

– Мы работаем над этим...

– Кого вы рассматриваете в качестве преступника?

– Как я сказал, расследование только началось...

– Что вам вообще известно? Начните с этого.

– А, да, дайте секунду, посмотрю в свои записи... Все произошло в Культурном центре короля Седжона...

Начальник следственного отдела провел пресс-конференцию в своей характерной манере – много говорил, но все не по делу и так и не сказал ничего толкового. Журналисты отправили статьи прямо с места событий, процитировав начальника следственного отдела там, где он подтвердил информацию, которую они и так уже разузнали сами, а информацию, которая, по словам начальника, была «еще не подтверждена», «расследовалась» или «нуждалась в дополнительном подтверждении», записали как цитаты некоего «анонимного источника в полиции».

Когда пресс-конференция закончилась, а журналисты, продолжавшие задавать вопросы, наконец отстали и начальник следственного управления сел в машину, ожидающую его на стоянке, дверь со стороны водительского сиденья открылась и молодая женщина ловко запрыгнула на сиденье.

– Госпожа Ан, ну ты же знаешь – нечего мне тебе больше сообщить! Да и разве тебе не пора уже сдавать статью?

– Да знаю я, что вы ничего не знаете, а потому и сказать вам нечего. Но это я кое-что вам как раз хочу сообщить.

– Это что же?

– Вы знаете, кто такие кастраты?

– Кастелы?

– Нет же, кас-тра-ты!

– Это еще что?

– В XVIII веке в Италии, в эпоху барокко, женщинам запрещали петь в опере. Для женских партий, требовавших высоких нот, мужчин-певцов кастрировали в раннем возрасте, до того как у них ломался голос. Кастраты – как раз те самые кастрированные певцы.

– Сейчас не время обсуждать оперу. Я занят, поговорим позже.

– Да, а что такое вы тогда нашли на месте преступления?

– Зачем спрашиваешь, если сама знаешь?

– А где именно нашли?
– В женской уборной оперного театра.
– Знаете, кто сегодня выступал на сцене оперы?
– Откуда мне знать?
– Это вам информация к размышлению. Я уже кое-что рассказала. Потом не говорите, что не знали. Кстати, как там Ли Мэк? Этот тип доставляет вам столько неприятностей. Ну все, пока-пока!

– Эй, госпожа Ан, подожди!

По дороге в полицейский участок начальник позвонил Ли Мэку:

– Эй, Ли Мэк, слышал что-то о кастела... ай, нет, кастра... А, певцах-кастратах!

– А, кастраты. Сегодня в Культурном центре как раз выступал контратенор, которого называют единственным певцом-кастратом Кореи. А что?

– Помнишь ту журналистку из «Сеульского вестника»? Она мне как раз что-то о кастратах говорила, а еще что ты обнаглел и стоит тебя отчитать. Может, поговоришь с ней сам?

– Не стоит. Это все уловки этих пронырливых журналистов. Я сегодня посмотрю, как движется анализ улик, и зайду к вам с докладом. Отключаюсь.

– Эй, Ли Мэк! Эй! Ха, ну какой наглец! Как он смеет класть трубку вперед начальства?!

С того вечера, примерно с 23:00, в интернете начался переполох. Причиной стала статья «Сеульского вестника» под заголовком «Убийство века с участием кастрата, полиция идет по ложному следу».

В отличие от других СМИ, которые просто кратко изложили обстоятельства дела и слова начальника следственного управления, «Сеульский вестник» подробно рассказал читателям, кто такие певцы-кастраты, и недвусмысленно намекнул о связи происхождения с выступавшим в тот день на сцене певцом Ли Гёндо.

Особое внимание привлек приложенный к статье файл с записью голоса начальника следственного отдела: «Кастелы? Это еще что?» В материале критиковали полицию за невежество, за то, что там не удосужились сопоставить все факты и упустили из виду то, что в день обнаружения мужских яичек в том же месте на сцене выступал певец-кастрат. Статья мгновенно заняла первое место по просмотрам и количеству комментариев, появившись на главных страницах всех новостных порталов. В социальных сетях начался хаос: особенно популярными стали посты, высмеивающие начальника: «Кастелы? Это еще что?»

16 декабря 2023 года, суббота

На следующий день тираж «Сеульского вестника» в считанные минуты разошелся во всех газетных киосках. По телевидению тоже освещали нашумевшую статью, пригласив экспертов и обозревателей. Особый резонанс вызвало интервью журналистки Ан Сунок, автора той самой статьи, в прямом эфире новостной программы на кабельном канале «Сеульский вестник-ТВ», принадлежащем медиа-холдингу «Сеульского вестника».

– В эпоху барокко XVII–XVIII веков, в которую и происходили события фильма «Фаринелли-кастрат», кадры из которого вы сейчас видите на экране, укрепились власть консервативного католического фундаментализма. На территориях, контролируемых папой римским, женщинам не позволялось выступать ни в церковных хорах, ни на оперной сцене. Поэтому мальчиков, у которых еще не начал ломаться голос, кастрировали, чтобы вырастить из них певцов с высоким и тонким, как у женщин, голосом – так называемых кастратов, – они и выступали на сцене вместо женщин. На сцене оперного театра Культурного центра, где произошло нынешнее происшествие, проходил концерт контратенора Ли Гёндо – единственного в Корее певца-кастрата, как его называют. В уборной концертного зала была обнаружена часть мужского тела, ассоциирующаяся с кастратами. Однако полиция даже не знает, что такое кастрат,

поэтому, судя по всему, расследование пойдет не слишком гладко. А теперь мы предлагаем взглянуть на эксклюзивные кадры, сделанные нашей съемочной группой.

На экране возник кадр с выступающим на сцене Ли Гёндо – макияж как у женщины, андрогинная внешность. Затем появились кадры с поспешно садящимся в машину начальником следственного управления – и наложенным поверх аудио – «Кастелы? Это еще что?» – и субтитрами. Редакторы на славу постарались над монтажом видео и выставили полицию в негативном свете.

Начальник следственного отдела полицейского участка Инван в одночасье стал всеобщим посмешищем. Шумиха не ограничилась одним только Инванским участком – на ушах стояла вся полиция. В полицейское управление Инвана один за другим поступали звонки из Управления полиции Сеула, из пресс-службы Национального агентства полиции, из следственного управления и отдела внутреннего контроля – и сотрудникам приходилось раз за разом повторять одни и те же оправдания. О похвале за то, что накануне они всю ночь обеспечивали порядок на фестивале фонарей, куда стеклось более ста тысяч человек, и задерживали участников незаконных демонстраций, перекрывавших дороги, не приходилось и мечтать. Телефон Ли Мэка снова был выключен. Начальник управления грозно приказал руководителю следственного отдела немедленно уладить ситуацию. Выйдя из кабинета начальника управления, тот ворвался в следственный отдел, словно разъяренный бык, чуть не сорвав с петель дверь.

– Где этот гад Ли Мэк? У нас теперь что, полицейскому можно разгуливать с выключенным телефоном? Пятая следственная группа, всем собраться здесь немедленно!

Кабинет был заполнен людьми, но никто не смог ничего ответить начальнику отдела. Все присутствовавшие: полицейские из других групп, подозреваемые, потерпевшие и свидетели – гражданские, находившиеся на допросе, – лишь растерянно смотрели на него. Никого из пятой следственной группы на месте не было. Начальник все никак не мог успокоиться и снова заорал:

– Куда все подевались? Я вас всех за самовольное оставление поста под дисциплинарку отправлю!

Начальник первой следственной группы, до этого лишь наблюдавший за ситуацией, подошел к нему и что-то прошептал на ухо. Тот переспросил:

– Правда?

И ткнул его в спину.

– Веди.

В подвале участка начальник первой группы открыл дверь пустой комнаты, которую раньше использовали как склад, и вошел внутрь. На одной из стен, служившей экраном, проецировались фотографии с места происшествия в Культурном центре. В это помещение Ли Мэк стащил ненужную мебель и проектор и обосновал здесь временный центр расследования происшествия. Начальник следственного отдела уже успел остыть, а гнев его сменился любопытством. Ли Мэк стоял у стены, служившей экраном, и что-то записывал на передвижной доске. Наконец он заметил начальника и руководителя первой группы.

– А вот и вы, начальник. Нелегко вам пришлось из-за этой статьи про кастратов, да? Да они всегда так делают – лишь бы продать материал. Не берите в голову. Я как раз почти закончил первичный анализ и собирался вам доложить. Очень кстати, что вы пришли. Присаживайтесь.

Начальник фыркнул:

– Ха, подложил мне свинью, а сам спокойно своими делами занимается. Да что с тобой говорить... как об стену горох. Эх. И вообще, ты бы хоть телефон включал, даже если занят! Ты должен всегда быть на связи!

Ли Мэк пропустил замечание начальника мимо ушей и как ни в чем не бывало продолжил совещание. Когда началась серьезная дискуссия между пятой группой и командой криминали-

стов, начальник, подавив раздражение, неловко опустился на свободный стул. Вскоре обсуждение подошло к концу. Руководитель криминалистической группы вывел на экран сводку результатов профайлинга, и Ли Мэк начал излагать выводы.

Потерпевший: (если по результатам экспертизы Национального научно-криминалистического центра будет подтверждено, что это часть человеческого тела) взрослый мужчина, личность которого установить не удалось. Вероятность того, что преступник и потерпевший являются одним и тем же лицом, крайне низка, однако полностью не исключена.

Характер повреждений: отсечение области яичек и последующее избавление от них (жив ли потерпевший – не установлено).

Место преступления:

- место изначального преступления – неизвестно;
- место последующего преступления – место избавления от отсеченной части – женский туалет у входа в Большой зал Культурного центра имени короля Седжона в Сеуле.

Время преступления:

- время первой и второй части преступления – неизвестно;
- время третьей части преступления – избавления от органа – 15 декабря, пятница, в промежуток времени с 20:30 (антракт во время спектакля) до 22:02 (момент обнаружения посетителем после окончания представления).

Орудие преступления: острый режущий предмет, использованный для отсечения яичек. Синий футляр для Библии, в котором транспортировалась отсеченная часть тела, и сухой лед. Прочее – неизвестно.

Пути проникновения к месту и отступления: по результатам предварительного просмотра записей с камер наблюдения вокруг Культурного центра, а также у входов и в коридорах, признаков несанкционированного проникновения или бегства с места преступления не выявлено. Предполагается, что маршрут преступника совпадает с маршрутами обычных зрителей, посетителей близлежащих заведений и сотрудников. Пространство активно используется не только зрителями спектакля, но и посетителями кафе, выставочных залов и случайными прохожими, что крайне затрудняет идентификацию подозреваемого. Проводится детальный анализ.

Мотив преступления: среди вариантов – умысел, импульсивный порыв или неосторожность – наиболее вероятен умысел. Возможны как корыстные, так и эмоциональные мотивы. Среди эмоциональных – стремление привлечь внимание и получить признание, публичный вызов, желание посеять страх и тревогу, то есть социальная мотивация. Среди корыстных вероятность извлечения некой неизвестной выгоды через создание общественной паники или срыв коммерческой деятельности. Также нельзя исключать, что преступник – психопат с выраженной склонностью к садизму и демонстративности.

Уровень планирования, осторожности, бдительности и навыков: отсутствие свидетелей, отсутствие заметных подозрительных действий на записях камер, а также отсутствие отпечатков пальцев на синем футляре для Библии (по данным осмотра места происшествия) указывают на то, что преступление было не импульсивным, а тщательно спланированным, с высоким уровнем осторожности и самоконтроля. (Требуется подтверждение экспертизы.) Судя по исключительно аккуратному разрезу в области яичек, преступник, вероятно, обладает опытом, навыками или оборудованием, превышающими уровень обычного человека. Однако тот

факт, что чехол для Библии был брошен на пол так, словно его просто швырнули снаружи, не совпадает с уровнем хладнокровия и тщательности, проявленным при подготовке. Для объяснения этого несоответствия требуется дополнительная информация.

Поведение подозреваемого: выбрав оптимальный момент в общественном месте с большим потоком людей и завершив преступление за минимальное время, не будучи замеченным, подозреваемый продемонстрировал эффективность и расчетливость. Признаков эмоционального всплеска или импульсивности не выявлено.

Характеристики подозреваемого: количество лиц – неизвестно. Поскольку местом избавления от улики был выбран женский туалет, высока вероятность, что преступник – женщина. Однако если во время спектакля, когда вход и выход были перекрыты и туалетом никто не пользовался, объект был заброшен внутрь снаружи, преступником может быть и мужчина. При отсутствии каких-либо сведений о первичном (заманивание или похищение жертвы) и вторичном (отсечение яичек) этапах преступления, если судить только по третьему этапу (избавление от данной части тела в женском туалете), можно предположить, что подозреваемый отличается дерзостью и высокой способностью сливаться с окружающими, не выделяясь среди людей. Данных о психологии, характере, эмоциональном состоянии, социальных связях, профессии, навыках, возрасте или образовании нет. Однако отсутствие свидетелей и явных отпечатков пальцев, а также особенности места происхождения указывают на то, что преступник обладает достаточными знаниями о процедурах полицейского расследования и, возможно, заранее посещал объект или проводил своего рода репетицию. Версия о психопате и серийном убийце не исключается.

Отличительные признаки: синий футляр для Библии, отсеченные яички, женский туалет.

Вероятность рецидива или последующих преступлений: судя по тому, что футляр находился в положении, словно его швырнули, возможно, преступник ранее не совершал подобных действий и является новичком. Однако, за исключением этого момента, отсутствие признаков паники, тревоги или растерянности указывает на длительную подготовку и высокую степень организованности. Кроме того, вне зависимости от того, был ли мотив связан с демонстрацией или вызовом либо с некой неизвестной выгодой, учитывая объем времени и усилий, вложенных в подготовку и исполнение, маловероятно, что цель была полностью достигнута одним преступлением. Ожидается продолжение преступных действий.

Дальнейшие перспективы расследования: необходимо вести расследование, не исключая все возможные версии, при этом сужая круг основных подозреваемых. Установить личность потерпевшего, а также его местонахождение и то, жив ли он. Выявить всех зрителей спектакля того дня, сотрудников и иных лиц, входивших в Культурный центр, проверить наличие подозрительных обстоятельств. Провести комплексный анализ вещественных доказательств и результатов экспертизы; изъять и детально анализировать записи камер видеонаблюдения; дополнительно опросить свидетелей и сотрудников Культурного центра; запросить данные обо всех случаях соединений через базовые станции мобильной связи в районе, к которому относится Культурный центр; провести негласную проверку контратенора Ли Гёндо и его окружения; усилить меры безопасности в общественных местах, где возможно совершение повторного преступления.

Поскольку случай является беспрецедентным и не имеет аналогов, а доказательств и улик недостаточно, ожидаются серьезные трудности в расследовании. В то же время из-за широкого освещения в СМИ вероятны рост тревоги и страха в обществе, а также социальная нестабиль-

ность, включая возможность подражательных преступлений. В связи с этим необходимо проявлять особую осторожность при взаимодействии с прессой, не допуская утечки конкретной информации о деле и ходе расследования.

Начальник отдела внимательно слушал спокойные и логично выстроенные объяснения Ли Мэка, то и дело кивая, но под конец нахмурился и спросил:

– То есть, если подытожить, мы не знаем ни мотива преступления, ни кто подозреваемый, ни личность потерпевшего, ни жив он или мертв, ни будет ли новое преступление – ничего не знаем, так выходит?

– Если быть точным, ничего пока не установлено окончательно, – ответил Ли Мэк. – Но уже есть возможные варианты, направление расследования определено. Будем следить за развитием событий.

– Этот твой профайлинг – сплошная неопределенность.

– Но в итоге мы ведь с помощью этого самого профайлинга раскрыли не одно дело.

– Пришли мне эти все материалы по электронной почте и распечатай один экземпляр.

Доложу начальнику управления и вышестоящим.

– Будет сделано. Но вы должны проследить, чтоб ничего из материалов не просочилось в прессу. Если обнародуют результаты анализа и направление расследования, преступник может изменить способ действий и уничтожить улики. Или еще того хуже, начнутся подражательные преступления – возникнет такой хаос, что мы с этим не справимся.

– Эй, за кого ты меня принимаешь? Меня и так от прессы уже тошнит. Так что давай за работу, и сделайте так, чтоб журналисты перестали кричать, что полиция бездействует.

– Понял. Отдельный пресс-релиз подготовлю и представлю вам на утверждение.

– Ладно. И мобильный держи всегда включенным. Другим можешь не отвечать, но мои звонки принимай всегда. Если не можешь ответить, перезванивай как можно быстрее. Понял?

– Так точно, мы немедленно приступаем к расследованию.

– Опять этот соплик пропустил мои слова мимо ушей...

Отдав честь начальнику, Ли Мэк распределил задания между детективом Кимом и детективом Паком и дал им четкие указания. Начальник, с недовольным видом покачав головой, вышел из комнаты. Руководитель первой группы подмигнул Мэку и последовал за ним. Получив указания, оба детектива тоже покинули помещение. В комнате остались только Ли Мэк и Чин Кёнвон.

– Почему ты всегда так себя ведешь? Игнорируешь вопросы начальника, пропускаешь его слова мимо ушей. Чего ты добиваешься, зля начальство?

– Я? Когда это?

– Каждый раз одно и то же. И в итоге не получаешь признания, даже раскрыв крупное дело. Когда семь лет назад я пришел в полицию младшим экспертом-криминалистом, ты уже был сержантом. А теперь я уже лейтенант, а ты все еще в том же звании. Из-за тебя и другие детективы, которые с тобой работают, страдают!

– Так почему же они не жалуются и не уходят в другие отделы?

– Как будто ты не знаешь! В участке Инвана, где в основном дела по нарушениям закона о митингах да мошенничеству, отдел по особо тяжким преступлениям и так в загоне. А уж пятая группа, куда спихивают самые нудные и сложные дела... Это же настоящий отстойник. Идти больше некуда.

– Эй, Кёнвон, это ты просто талантливая, поэтому и продвигаешься по службе быстро. Получить звание сержанта в тридцать с небольшим, как я, – это тоже очень быстро. И вообще, где ты видела, чтобы сержанту давали должность начальника группы?

– Причем тут возраст? Важна выслуга. Ты в восемнадцать добровольно пошел в спецвойска в армии, три года отслужил, потом пошел в полицейский спецназ, отработал обязательный срок – и уже почти десять лет в отделе по особо тяжким преступлениям. Твои ровесники,

выпускники полицейской академии, в основном уже капитаны, а самые шустрые – и майоры. Сам все знаешь, а говоришь ерунду. И раз уж заговорили – начальник группы? У тебя всего два подчиненных, да и то проблемные. Вы же как команда мусорщиков – берете только тяжелые, неприятные дела, от которых все отказываются. Потому и показатели поднять сложно. А когда вы, надрываясь, анализируете и расследуете, да еще и чудом раскрываете крупное дело, которое никто не хотел брать, лавры достаются другим группам. А ты еще и журналистов игнорируешь, держишься с ними холодно – вот и выходят потом злобные статейки, поливающие полицию грязью.

Пока Чин Кёнвон, все больше распаляясь, отчитывала своего коллегу, Ли Мэк сидел, подперев подбородок, и молча слушал ее с серьезным выражением лица. Затем поднял голову и посмотрел на нее.

– Как думаешь, почему именно Культурный центр?

– Что?

– Концерт певца-кастрата – это совпадение или он и был целью? Ну-ка, выведи-ка снова на экран фотографии с места – общий план, окрестности и снимки улики.

– Ох, я с ума с тобой сойду...

Лицо Чин Кёнвон исказилось. Казалось, еще мгновение – и она либо разрыдается, либо взорвется. Но, глядя на Ли Мэка, предельно сосредоточенного на деле, она постепенно успокоилась. Словно под гипнозом, Чин Кёнвон села за компьютер и вывела на экран фотографии, которые он просил. Ли Мэк взял у нее пульт и принялся перелистывать снимки, анализируя их. Пора было Чин Кёнвон оставить его одного. Испытывая смесь досады, обиды и в то же время жалости, она медленно вышла за дверь.

Начальник отдела взял распечатанные Чин Кёнвон результаты первичного анализа и направился в кабинет начальника участка. Он готовился сначала выслушать разнос, а уже потом докладывать. Но когда начальник участка неожиданно по-доброму его встретил и предложил присесть, ему стало еще больше не по себе. Наблюдавший за его реакцией начальник участка успокоил его:

– Начальство просило вам передать слова поддержки и утешения.

– Что? Но ведь только что грозились служебной проверкой и дисциплинарными мерами. С чего вдруг?

– С чего вдруг? Ты же вчера отлично справился с обеспечением порядка на массовом фестивале. И с этим... как его... делом о кастеле – первоначальные меры были приняты грамотно.

– Дело о кастрате...

– Да-да, кастрате. Ха-ха-ха.

– А про служебную проверку из-за публикаций в СМИ или требование отчета о случившемся ничего не говорили?

– Нет, такого не было. Это, конечно, мое личное мнение, но, похоже, наверху даже довольны тем вниманием, которое пресса проявляет к этому делу.

– В каком смысле?

– Эх ты, совсем не разбираешься в политике. Скандал с коррупцией в высших эшелонах, трагедия в районе Итэвон, дело морской пехоты, дипломатические конфликты, экономический спад... В стране в последнее время неспокойно, понимаешь?

– Да, это верно... А!

– Дошло наконец-то?

– Да... То есть это дело, которое может отвлечь внимание общественности, – как скандалы с наркотиками у знаменитостей или сексуальные скандалы?

– Тсс, следи за языком. Неизвестно, где могут быть журналисты. Я ничего такого не говорил. Нам из-за этого дела ужасно тяжело, ясно?

– Да. Понял.

– Поэтому... по возможности понемногу подкидывай прессе информацию о ходе расследования и деталях дела. Пусть тема остается в новостях. Только аккуратно, чтобы не слишком бросалось в глаза.

– Сделаю, как вы сказали. Ли Мэк уже провел первичный анализ дела...

– Ох, голова кругом. И без того забот хватает, а еще Ли Мэк со своим профайлингом... Я, между прочим, человек ученый, в аспирантуре учусь, а он, говорят, даже университет не окончил. Обычный выпускник школы – и так все усложняет. Мне докладывай просто: прямые улики обнаружены, подозреваемый установлен, преступник задержан. С остальным сами разбирайтесь.

– Понял. Приложу все усилия, чтобы как можно скорее задержать преступника.

– Только не перегибай палку. Не хватало еще, чтоб что-то пошло не так. Расследование должно быть прозрачным, открытым, с постоянным информированием общества – чтобы пресса продолжала освещать дело. Сделай все как следует. Понимаешь, о чем я?

– Да, конечно. К слову, вы же знаете, что это для меня последний шанс получить звание суперинтенданта полиции...

– Эй, ты что забыл, что за место – полицейский участок Инвана?

– Это первый и лучший в Республике Корея участок, защищающий государство, охраняющий... точнее, охранявший Голубой дом¹.

– И что это значит?

– А?

– В участке, который защищает государство, какой отдел самый важный?

– Ну... охрана и разведка...

– Ты когда-нибудь видел, чтобы начальник уголовного отдела Инванского участка становился суперинтендантом?

– Ну... это...

– Вот именно. Значит, одного задержания мало.

– А... да.

– Скажи-ка, может, экзамен на звание суперинтенданта существует?

– Никак нет!

– Тогда, может, его дают по заслугам или по способностям?

– Нет.

– Тогда не забивай голову лишним и делай, что тебе говорят. Понял?

– Так точно. Я полностью полагаюсь на вас, господин начальник, на человека с лучшими политическими инстинктами в нашей полиции и такими связями на самом верху.

Когда начальник уголовного отдела вышел из кабинета, его телефон тихо звякнул. Это было сообщение от Ли Мэка.

Начальник криво усмехнулся и нажал на телефоне кнопку быстрого набора «3». Номер принадлежал лейтенанту Чхве Гёну, начальнику административной группы, а по совместительству его ближайшему доверенному лицу.

– Зайди ко мне в кабинет. Срочно.

Вернувшись к себе, начальник разложил на столе распечатанный Чин Кёнвон отчет о первичном анализе дела и распечатку пресс-релиза, присланного Ли Мэком, и принялся их сравнивать. Заголовок пресс-релиза гласил: «Происшествие с обнаруженным предметом, предположительно являющимся частью человеческого тела».

В тексте релиза указывались дата и место происшествия, перечень и количество изъятых на месте вещественных доказательств, краткое содержание показаний свидетелей и причаст-

¹ Или же Синий дом; бывшая (до 2022 г.) резиденция президента Южной Кореи.

ных лиц, сообщалось, что Столичное управление полиции Сеула и Национальный научно-криминалистический центр проводят анализ улик. Отмечалось, что пока не подтверждено, является ли найденный объект действительно частью человеческого тела, не установлено, жив ли предполагаемый потерпевший, отсутствует информация о подозреваемом и что расследование ведется по всем возможным направлениям. Для короткой новостной заметки материала было достаточно, но ничего интригующего или сенсационного, способного привлечь внимание публики, в нем не содержалось. На губах начальника заиграла едва заметная улыбка. Он взял лист бумаги и начал что-то быстро записывать. И в этот момент дверь распахнулась, и кто-то вошел в кабинет без стука.

– У вас все в порядке?

– Эй ты, тебе столько лет, а до сих пор не научился стучать, перед тем как входить?

– Раз уж вы настроены на шутки, значит, у начальника участка вас не слишком сильно пропесочили.

– Хватит болтать. Садись.

Спустя некоторое время были подготовлены три версии материала, и каждая отправилась по своему адресу. Первая – пресс-релиз Ли Мэка в первоизданном виде – была разослана по электронной почте всему пулу аккредитованных журналистов. Редакции газет и телеканалы добавили к нему немного подробностей – свидетельства очевидцев, комментарии экспертов – и выпустили в целом схожие сообщения.

Вторая версия представляла собой «эксклюзивный» материал: к официальному пресс-релизу были добавлены фрагменты, которые начальник уголовного отдела дописал от руки, – а что-то, наоборот, было вычеркнуто за ненадобностью. В этих дополнениях содержалась часть результатов первичного анализа, которые Ли Мэк настоятельно просил держать в строгом секрете. Начальник поручил Чхве Гёну отдельно вызвать журналистку Ан Сунок из «Сеульского вестника», передать ей материал так, чтобы никто об этом не узнал, и особо подчеркнуть необходимость сохранения анонимности источника – и дать указания ни при каких обстоятельствах не раскрывать, от кого получены сведения.

Третий документ – отчет о первичном анализе, подготовленный Ли Мэком, – начальник сфотографировал на телефон, нашел в контактах профессора Ли Чундо и отправил ему снимки сообщением с пометкой: «Для справки. Строго конфиденциально. Просьба удалить сразу после прочтения».

Профессор Ли Чундо был частым гостем телевизионных эфиров и широко известной фигурой. Говорили, что он тесно связан не только с высшими чинами полиции, но и с политическими кругами. Начальник уголовного отдела решил задействовать все связи, повышающие его шансы на продвижение. Профессор Ли Чундо был одним из тех, на кого он делал ставку.

17 декабря 2023 года, воскресенье

Последствия оказались колоссальными. Это был второй эксклюзив Ан Сунок из «Сеульского вестника», которая уже стала известной после первого громкого материала о певце-кастрате. Ее статья выгодно отличалась деталями и подробностями от других, однообразных статей, написанных как под копирку на основе официального пресс-релиза полиции, и в итоге практически монополизировала общественное внимание. В довершение ко всему, в главном выпуске новостей телеканала «Сеульский вестник-ТВ» выступил известный криминальный психолог профессор Ли Чундо и представил подробный профайлинг по делу кастрата и психологический портрет предполагаемого преступника. Рейтинг передачи мгновенно взлетел до первого места среди других новостных программ. Сюжет с участием Ли Чундо и статья Ан Сунок вместе только усиливали популярность друг друга и распространялись в социальных сетях, групповых чатах и интернет-сообществах в геометрической прогрессии. В итоге «Сеуль-

ский вестник» и «Сеульский вестник-ТВ» в кратчайшие сроки получили рекордную прибыль за всю историю своего существования и сорвали рекламный куш.

Увидев присланные коллегами-следователями ссылки на статьи и видеосюжеты, Чин Кёнвон ознакомилась с ними и буквально вскипела от ярости. Все то, что они с Ли Мэком анализировали вместе, было выставлено на всеобщее обозрение так, будто это сами журналисты дошли до всего в ходе своего журналистского расследования. Чувство было не из приятных – будто кто-то как вор прокрался в дом и вынес из него все самое ценное, а теперь еще и с бахвальством выдавал это все за свою собственность. Особенно раздражал профессор Ли Чундо в кадре. Он то и дело бросал взгляды на лежащие на столе записки – было очевидно, что он еще не успел запомнить и заучить аналитические выводы до той степени, чтобы выдавать их за свои, не подсматривая в написанное. И все же в его мимике и тоне сквозили натянутая, преувеличенная уверенность и плохо скрываемое тщеславное самолюбование.

– Опираясь на многолетний опыт в области криминального профайлинга и проведя профессиональный анализ... Да, к слову, заранее прошу прощения – я не могу раскрывать сведения, относящиеся к следственной тайне. Кроме того, прошу учесть, что мои выводы основаны лишь на ограниченной информации, к которой у меня есть доступ. Так вот, по результатам моего анализа, потерпевший в этом деле – неустановленный взрослый мужчина. Характер причиненного вреда – отсечение жизненно важной части тела с последующим избавлением от нее. Полиция, вероятно, считает, что до получения точных результатов судебно-медицинской экспертизы нельзя однозначно утверждать, идет ли речь действительно о части человеческого тела – а именно о яичках – и жив ли потерпевший. Однако лично я расцениваю это как убийство.

– Господин профессор, вы сейчас сделали крайне важное заявление. Все остальные СМИ сообщали, что обнаруженный на месте предмет еще не подтвержден как часть человеческого тела. И только журналистка Ан Сунок из «Сеульского вестника» прямо указала, что это часть человеческого тела, причем жизненно важный орган взрослого мужчины. Вы первый среди экспертов-криминологов не только подтвердили, что это часть человеческого тела, но и конкретно назвали ее яичками... и смело квалифицировали дело как убийство. Есть ли у вас особые основания или зацепки для такого вывода?

– Разумеется. Во-первых, после эксклюзива Ан Сунок не сделала ни одного заявления, опровергающего приведенные в статье умозаключения, так ведь? Другие СМИ по привычке просто переписали официальный пресс-релиз полиции. Полагаю, журналистка Ан Сунок провела дополнительное расследование. И я тоже. Однако источник раскрыть не могу. Скажу лишь, что он надежен и обладает авторитетом. Во-вторых, реакция очевидцев. Один-два человека могли бы что-то не разглядеть или излишне остро отреагировать, но одну и ту же схожую реакцию продемонстрировали очень многие. В интернете и социальных сетях даже были выложены фотографии, сделанные свидетелями. Сейчас они удалены или скрыты, но факт остается фактом. И в-третьих, сотрудники научно-криминалистической экспертизы полиции обладают достаточным опытом и профессионализмом, чтобы отличить часть человеческого тела от имитации. Просто до официального заключения Национального научно-криминалистического центра по правилам судебной экспертизы используется формулировка «пока не подтверждено», вот и все. И, наконец, самое важное – почему я считаю это убийством. Отсечение жизненно важной части тела сопровождается массивной кровопотерей и шоком. Если операция не проводилась в специализированном медицинском учреждении, логично предположить летальный исход. Именно поэтому я квалифицировал это как убийство.

– Что ж, после ваших объяснений, профессор, все становится предельно ясно. Пожалуйста, продолжайте.

– Да. Самое необычное в этом деле – предмет, в котором находилась отсеченная часть тела потерпевшего. Вот что особенно поразительно – это синий футляр для Библии.

– Что? Футляр для Библии? Вы уверены? Это слишком шокирующе...

– Да, я это проверил. Кто-то может сказать, что речь идет о следственной тайне, но здесь затронуто конституционное право граждан на получение информации. Кроме того, в этом деле крайне необходимы сообщения от людей из окружения преступника. Поэтому сегодня я решился обнародовать этот факт.

– Разумеется, граждане имеют право это знать. Если это действительно так, то подобная информация, безусловно, должна быть раскрыта. Конечно, раз уж профессор Ли Чундо, который является советником Министерства юстиции, прокуратуры, суда и полиции, подтвердил это, я не сомневаюсь в правдивости данной информации... просто... это такие шокирующие факты, и мы впервые их слышим! Если же в них есть неточности или ошибки, просим следственную группу полиции незамедлительно связаться с нашей редакцией. Профессор, продолжайте, пожалуйста.

Дальнейшие объяснения профессора Ли Чундо практически дословно повторяли содержание отчета о первичном анализе, составленного по итогам совместного совещания научно-технической группы и группы № 5 отдела по расследованию особо тяжких преступлений под руководством Ли Мэка и Чин Кёнвон. Правда, местами профессор добавлял собственные, ничем не подкрепленные соображения и излишние комментарии. Главная проблема же заключалась в другом: в эфире открыто прозвучали конкретные детали совершения преступления и упоминание синего футляра для Библии – а эти сведения должны были оставаться строго засекреченными. Более того, среди различных предварительных версий о мотивах и характеристиках преступника он осветил лишь наиболее сенсационную и представил ее как основную и самую вероятную. Это была версия о психопате – серийном убийце.

– Мотив преступления, по всей видимости, связан с желанием продемонстрировать себя миру, привлечь внимание и получить признание через СМИ и телевидение. Учитывая крайнюю дерзость, извращенность и садистский характер преступления, велика вероятность, что мы имеем дело с психопатом – серийным убийцей, действующим в одиночку. – Психопат – серийный убийца? Вроде Ю Ёнчхоля, Ли Чхунчже, Чон Намгю, Кан Хосуна² и им подобных?..

– Более того, это новый тип психопата-убийцы. И здесь ключевое значение имеет именно то, что он действует в одиночку! Ранее таким образом в одиночку в основном действовали террористы. Но в данном случае мы видим, что преступник сумел бесследно похитить взрослого мужчину, аккуратно отсечь часть его тела, а затем прибыть в многолюдный Культурный центр, где он оставил в женском туалете футляр для Библии с сухим льдом внутри...

– Что-что? С сухим льдом?

– Так, прошу эту часть вырезать. Это следственная тайна.

– Но мы сейчас в прямом эфире...

Словно пытаясь замаять допущенную ошибку, профессор Ли Чундо повысил голос, и в его тоне зазвучала жесткость.

– Куда важнее характеристики преступника, не так ли? Новый тип «одинокого волка» – психопата – серийного убийцы!

– А... да.

– Такое отсечение части тела не каждому под силу. Поэтому я предполагаю, что преступник – специалист в области медицины или ветеринарии либо техник с большим опытом кастрации скота.

– Профессор, спасибо вам за столь поразительную и шокирующую информацию. Однако хотелось бы еще раз напомнить нашим зрителям, что значительная часть сказанного сегодня носит характер субъективных предположений. На этом мы завершаем интервью. С нами был криминальный психолог профессор Ли Чундо. Спасибо вам за участие!

² Известные южнокорейские серийные убийцы, чьи преступления вызвали широкий общественный резонанс.

Стоило передаче выйти в эфир, она создала огромный резонанс в обществе – особенно потому, что полиция не сделала ни одного официального заявления по поводу слов профессора Ли Чундо. На поток вопросов от журналистов, аккредитованных при полиции, представитель ведомства лишь повторял словно заведенный: «Мы не можем давать конкретные комментарии или подтверждать факты по делу, находящемуся в стадии расследования». В такой ситуации высказывания профессора стали восприниматься как достоверный факт и стремительно тиражировались, заполняя информационное пространство.

Пылая от ярости, с покрасневшим лицом, Чин Кёнвон пинком открыла дверь отдела уголовных расследований и стремительно направилась к группе № 5 отдела по особо тяжким преступлениям.

– Эй, Ли Мэк, что это такое? Разве так можно?!

– В том и дело... Я настойчиво просил сохранить все в строжайшей тайне...

– Но кто тогда? Начальник? Неужели это он слил всю информацию?

В этот момент за спиной раздался громкий голос:

– Эй! Кто сказал, что я слил информацию? Ты лично видела, чтобы это я сделал, Чин Кёнвон? Я о тебе был гораздо лучшего мнения. Ошиваешься с этим упрямым типом – и сама такой же стала? Как ты смеешь оговаривать начальство?

– Господин начальник, дело не в этом. Просто на телевидении и в интернете...

– Выводы вашего анализа везде, да. Но разве есть доказательства, что информация ушла от меня, а?!

– Господин начальник!

Когда Ли Мэк, нахмурившись, громко окликнул начальника, и Чин Кёнвон и начальник резко переменились в лице.

– Ли Мэк, не надо. Все, хватит. Господин начальник, простите. Я погорячилась.

– Ну-ну, бывает. Я бы на твоём месте тоже разозлился. Понимаю. Да и не так уж плохо, что ваш анализ попал в публичный доступ. Могут появиться наводки, сообщения от граждан. К тому же тот профессор по телевизору все свел к версии о психопате – серийном убийце, в отличие от нас... В общем, дело серьезное, давайте сделаем все возможное, чтобы раскрыть его как можно быстрее. Договорились? Ну, удачи!

Начальник уголовного отдела поспешно вышел из кабинета, не дожидаясь, пока Ли Мэк что-нибудь скажет. За ним последовал и Чхве Гёну.

Детектив Ким и детектив Пак из пятой группы отдела по особо тяжким преступлениям переглянулись и зашептались:

– Похоже, начальник и правда боится нашего Ли Мэка.

– Ага, так быстро сбежал – как будто совесть у него нечиста.

– Чин Кёнвон, если больше нечего сказать, давайте уже начнем наше совещание.

– Как скажете, сержант Ли Мэк, которого даже начальник уголовного отдела боится.

– Ну и зачем вы заговорили о званиях? И без того обидно, что нашего начальника Мэка недооценивают – при его-то способностях и результатах, – проворчал детектив Пак.

– А почему, вы думаете, начальник отдела его боится? Да ведь он же полицейский, отказавшийся от повышения! Человек, которому ни терять, ни добиваться нечего, – вот он и боится. Если вам так обидно – продвиньте своего начальника группы по службе. Кто, если не вы, его команда? А я до тех пор буду напоминать о звании каждый раз. Сержант Ли Мэк! – бросила Кёнвон, выходя из отдела. Никто не нашелся, чем ответить на ее ехидные слова.

18 декабря 2023 года, понедельник

Ли Мэк и пятая группа после следственного совещания решили сосредоточиться на трех направлениях: установление личности потерпевшего, тщательная проверка территории в рай-

оне происшествия, составление профиля предполагаемого преступника и допрос свидетелей и иных лиц, проходящих по делу. Ли Мэк приступил к формированию круга подозреваемых с помощью дополнительного профайлинга. Жертвы сексуального насилия и их семьи, религиозные фанатики, специалисты по кастрации животных, радикальные преступники, движимые ненавистью к мужчинам, социально неблагополучные элементы... Улик по-прежнему было слишком мало.

Судя по особенностям поведения предполагаемого преступника, преступление было тщательно спланировано, продумано до мелочей, совершено дерзко и без признаков колебаний или сомнений. И только в самом конце действия преступника слишком уж выбивались из общей картины – об этом свидетельствовала поспешность и небрежность, с которой произошло избавление от отрезанной части тела. Но более всего Ли Мэка смущала одна конкретная деталь. Из-за сообщений в прессе дело негласно связали с выступлением кастрата-певца. Это отлично подходило для сенсационных новостных заголовков; в конце концов, такая связь действительно могла существовать; но если преступник выбрал это место по совершенно иной причине, не связанной с концертом? Тогда расследование рисковало пойти в неверном направлении.

Резкий звук телефонного звонка вырвал Ли Мэка из раздумий. Звонил детектив Пак, отвечавший за опрос свидетелей.

– Шеф, почему вы не сказали, что знаете Ли Гёндю? – спросил он.

– Ли Гёндю? О ком это ты?

– Певец-кастрат Ли Гёндю. Тот, что выступал в Культурном центре имени короля Седжона.

– А, тот певец. И с чего ты взял, что я его знаю?

– Он говорит, что был вашим другом детства...

– Вот как? Он сейчас рядом с тобой?

– Нет, я уже опросил его. Сказал, что передам вам. На всякий случай ваш номер я ему не дал. Пришлю вам его контакты сообщением. Дальше сами решайте, связываться с ним или нет.

– Понял, детектив Пак. Спасибо за работу.

Мэк откинулся на спинку кресла и, устремив взгляд в пятно на потолке, принялся перебирать воспоминания.

– Ли Гёндю... Неужели тот самый Гёндю?..

Дом Ли Мэка, место, откуда он родом. Католическая церковь на окраине городишка Тондам, неподалеку от демилитаризованной зоны³ и американской военной базы. Приют «Дом Боско» рядом с ней – место, куда родители, не способные или не желающие растить собственного ребенка, приносили – нет, бросали – младенцев. Ли Мэка тоже оставили там сразу после рождения. Кто были его родители и по какой причине они отказались от него, он так и не узнал.

Гёндю был из того же приюта, младше Ли Мэка на два года. Он был для Ли Мэка всего лишь одним из младших детей. До тех пор, пока не произошла страшная трагедия – смерть Соын, которая была для детей как мать, а затем внезапное исчезновение ее младшей сестры Чуын. После смерти Соын, когда дети, потерявшие названую мать, искали, на кого им теперь положиться, Гёндю выбрал Мэка. Было ли это осознанным выбором или он просто пошел за старшим товарищем, который лучше всех дрался, Ли Мэк уже не помнил. Зато он ясно помнил другое: Гёндю прекрасно пел. В детском церковном хоре он всегда исполнял сольные партии, а в хоре начальной школы Тондам его голос выделялся ярче всех.

Стоило ему подумать о Гёндю, как перед глазами всплыло лицо Джины – подруги, которая в детстве занимала все сердце Мака. Гёндю занимался с ней в одном хоре. Каждый раз, когда Джина, у которой, в отличие от Мэка и Гёндю, были родители, приходила в приют наве-

³ Зона раздела Южной и Северной Кореи.

стить Мэка и его брата-близнеца Сана, Гёндю первым выбежал навстречу, крича: «Джина!» Эта сцена отчетливо сохранилась в воспоминаниях Мэка. Неужели тот самый знаменитый певец Ли Гёндю, выступавший в Культурном центре, где и произошло происшествие, – тот самый Гёндю?

– Алло. Меня зовут Ли Мэк, я начальник пятой группы отдела по особо тяжким преступлениям полицейского участка Инван. Это номер Ли Гёндю?

На том конце провода повисла долгая тишина.

– Алло? Господин Ли Гёндю?

– «Господин Ли Гёндю»? Ха-ха, забавно, что ты меня так называешь.

– Что?

– Ты чего, Мэк? Неужели и правда меня забыл? Или делаешь вид, что забыл?

– Э-э... Это правда ты, Гёндю? Тот самый Гёндю?

– А что, есть какой-то другой Гёндю? Стал полицейским – и совсем изменился... Я вот по одному твоему «алло» сразу понял, что это ты.

– А-а... Прости. Прости, Гёндю. Я и представить не мог, что такой знаменитый певец может оказаться кем-то, кого я знаю. Прости.

– То есть ты думал, что только ты один можешь осуществить мечту детства и стать полицейским, а остальные приютские и в люди выбиться не смогут? Ну, это ты сильно ошибаешься.

– Нет, Гёндю, конечно, я так не думал. Прости. Когда ты свободен? Я приеду к тебе.

– Ого. Это чтобы арестовать меня как убийцу? Или сначала допрос?

– Ты важный свидетель по делу, так что допрос, конечно, будет. Но проводить его буду не я – помнишь детектива Пака? Он этим займется. А я хочу увидаться с тобой просто так, не по делу. Ты не против? Сможешь найти время?

– Найти время? Ты даже не представляешь, как сильно я хотел тебя увидеть. Если ты приедешь, я могу и концерт отменить.

– ...Спасибо. И прости. Напиши мне в сообщении удобную дату и место. Я сразу приеду.

Конечно, насчет отмены концерта он, скорее всего, преувеличивал. Сказать, что готов отменить выступление ради встречи с другом детства... Пусть это и были лишь слова, но в них чувствовалось, как сильно Гёндю ценил Мэка и скучал по нему. В мире, который привечал лишь тех, кто рос в полной семье, а остальные чувствовали себя чужаками, сердце Мэка со временем очерствело, – но слова Гёндю будто снова заставили его биться. Мысль о том, что в этом мире есть кто-то, кто по нему скучает, на мгновение всколыхнула его.

Гёндю назначил встречу на четверг, в пять вечера, в офисе своего агентства IMG в Ынбондоне⁴, районе Сондон-гу. В час пик машина то трогалась, то вновь замирала в пробке, и в голове Мэка всплывали воспоминания о 1999 году, о том времени, когда ему было тринадцать и он учился в начальной школе⁵.

В тот год его близнеца Сана, с которым он был словно единым целым, усыновили и забрали в Америку полковник размещавшихся в Корее войск США Джонс и его жена. Мак, потрясенный и раздавленный горем, без раздумий сбежал из приюта. Позже он стал жить в Сувоне, в доме лейтенанта Ча Хэёна, пытался освоиться в новой обстановке... Но вот незадолго до летних каникул его настигла еще одна шокирующая новость: умерла директор «Дома Боско» Ли Ёнсун. Придя на поминальную службу, Мэк заметил Чон Умина, ухмыляющегося во весь рот. Вспышка ярости была мгновенной – он не сдержался и ударил его. В ту же секунду на него набросился Угюн, старший сын президента Чона, и принялся избивать. Все это произошло на глазах у прихожан, заполнивших церковь. Хэён среагировал быстро – оттащил Угюна и, подняв Мэка, который уже даже не защищался, вынес его из церкви, собираясь везти в

⁴ Дон – участок района.

⁵ В Южной Корее начальной школой считаются первые шесть лет обучения.

больницу. Но Мэк, годами тренировавшийся в смешанных единоборствах, серьезных травм не получил. Вместо того чтобы отправиться в больницу, он в тот день купил любимые детские сладости и отправился в «Дом Боско». И первым, кто выбежал ему навстречу, был Гёндю.

– Это же Мэк! Это я, Гёндю. Ты меня не забыл?

– Привет. Как ты?

– Хён, ты в порядке? Говорят, кто-то тебя избил до смерти?

– Ага, я уже на самом деле обратился в призрака. Бу!

– А-а-а!

– Ха-ха, дурачок. Со мной все нормально, цел и невредим.

– Как и ожидалось от нашего силача Мэка. А этот Чон Умин, говорят, вообще валялся без сознания.

– Пойдем внутрь. Хён купил кучу сладостей. Устроим вечеринку, как в старые времена.

– Ура, сладости!

Пока остальные дети, смеясь, уплетали угощение, к Маку подошли Ли Гёндю и Кан Дупиль. Дупиль был лучшим другом Гёндю – молчаливый, всегда немного зажатый, он неизменно держался позади него. Пел он тоже неплохо, пусть и не так, как Гёндю, поэтому вместе с ним участвовал в церковном и школьном хорах. После смерти Соын и исчезновения Чуын оба особенно тянулись к Сану и Маку, а с Джинхой, которая тоже пела в том же хоре, поддерживали близкие отношения.

– Мэк, тебе повезло.

– Почему?

– Ты живешь вдвоем с тем дядей-полицейским.

– А разве здесь, в «Доме Боско», плохо, Гёндю? Старшие, товарищи, монахини, учителя...

– Все равно мы все разойдемся по своим путям. Все уже решили, куда пойдут... Я тоже на следующей неделе уезжаю – в одну протестантскую церковь.

– Протестантскую? Но мы же при католическом храме. Почему ребенка из «Дома Боско» отправляют в протестантскую церковь?

– На детском песенном конкурсе наш школьный хор Тондам занял третье место. А второе место взял хор «Ынчхон» – это приют при одной церкви, и их наставник – пастор той церкви.

– И ты поешь так хорошо, что пастор тебя заметил?

– Ну, в нашем хоре из сирот только я и Дупиль. К тому же «Дом Боско» на следующей неделе закрывается. Пастор пообещал, что будет за нами хорошо присматривать, ну и вот...

– А ты сам хочешь ехать?

– Не знаю... Было бы здорово как у тебя – жить с таким же выходцем из сирот, свободно и весело. Но у меня так не получится; значит, ничего не поделаешь.

– Дупиль, а ты? Ты хочешь переехать к тому пастору, в хор «Ынчхон»?

Мэк обратился к Дупилью, который, как всегда, молча стоял за спиной Гёндю.

– А? Я? Ну... Если с Гёндю – мне все равно куда.

– Понятно.

Мак снова повернулся к Гёндю:

– Но здорово, что ты сможешь продолжать заниматься любимым делом.

– Это да. Когда вырасту, стану знаменитым певцом и обязательно найду свою маму.

– Конечно. Ты отлично поешь, у тебя получится. Гёндю, тебе и правда повезло.

– Кстати, Мэк. На конкурсе ребята, приехавшие из Сеула, рассказывали про Джину...

– Джину? Мин Джину?

– Ага. У нас в хоре есть девочка, которая перевелась в ту же школу, что и Джина.

– И что? У нее все хорошо? Она тоже участвовала в конкурсе?

– Да... Только...

– Что?

– Я точно не знаю, но говорят, у неё что-то произошло. Она ушла из хора и перевелась в другую школу.

– Что? Что случилось?

– Толком никто не знает. Говорят, кто-то на нее напал. После этого она ни с кем в школе не общалась, всегда держалась одна – а ее одноклассники из-за этого начали над ней издеваться. Один из них жил по соседству. По дороге в школу Джина ткнула ему в лицо шариковой ручкой – кровищи было!.. Говорят, она проткнула щеку насквозь. Учителя и взрослые ничего не рассказывали – мол, детям такое знать не нужно. Но один мальчик, который жил рядом с ее домом, все видел. Приезжали полиция и скорая... А потом семья Джинны вскоре переехала. В ту школу она так и не пришла.

В тот момент заведующая позвала Мэка в кабинет, и разговор с Гёндом на этом оборвался.

И лишь спустя долгие годы при самых странных обстоятельствах им предстояло встретиться вновь.

21 декабря 2023 года, четверг

Сеул под конец года весь буквально стоял в пробках – особенно на участке от района Чонно-гу и вплоть до моста через реку Ханган на самом востоке города. Выстроившиеся в ряд машины напоминали кадры документального фильма с вереницей беженцев во время войны. Кто-то особенно раздражительный постоянно жал на клаксон, кто-то пытался лавировать меж дорожных полос и встравать перед другими машинами – то и дело тут и там возникали словесные перепалки. Ли Мэк же был абсолютно спокоен – более того, он был глубоко погружен в свои воспоминания 24-летней давности.

Из глубоких раздумий его вывела перепалка, разгоревшаяся перед ним. Какой-то мужчина что-то яростно возражал полицейскому, который и без того был занят тем, что пытался урегулировать возникшую на перекрестке пробку, – водители, стекающиеся на него со всех сторон, не собирались уступать друг другу и буквально блокировали дорогу. Рядом стоял мальчик лет десяти, по всей видимости сын мужчины, – он плакал и дергал его за брюки. Похоже, мужчина уже долгое время не мог сдвинуться с места в этой пробке, не выдержал и решил выместить гнев на полицейском. Глядя на то, как отец орет на полицейского в форме, мальчик испуганно плакал и пытался его остановить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.